

ствовали, как это и бывало обычно в спектаклях устной народной драмы.

Можно поэтому вполне согласиться с мнением Л. Н. Майкова, что оформление спектакля „Игра пирожная“ вполне убедительно показывает принадлежность пьесы к репертуару городского демократического театра второй половины XVIII века. Пьесы этого репертуара могли исполняться в тех петербургских спектаклях, о которых писал Георги, или в московских представлениях „разных чинов людей“ на святках, масляной и святой в 1750—1760-е годы.¹

В заключение необходимо поставить вопрос о возможном месте и времени сложения „Игры пирожной“ на основе анализа текста произведения. Упоминание учреждений — магистрата (точнее „магистратских служителей“) и приказа (повидимому, Приказа общественного призрения) — заставляет предполагать, что пьеса была написана во второй половине XVIII века. Уничтоженные в 1728 году,² магистраты были восстановлены в городах в 1743 году.³ Издание Учреждений о губерниях 1775 года превратило Магистраты в судебные учреждения,⁴ которые просуществовали до конца XVIII века.

Приказ общественного призрения был образован в 1775 году, когда в связи с Учреждениями о губерниях было опубликовано специальное Положение о Приказе общественного призрения,⁵ который по существу был „вспомогательным органом полиции для охраны «порядка» в интересах господствующего класса“⁶ Впрочем, слово „приказ“ как синоним слов „казенное учреждение“ употреблялось в течение всего XVIII века.

Попытаемся уточнить место возникновения пьесы.

Упоминание в „Игре“ о „стуканных расколыщиках“ указывает на Поволжье или Урал с их глухими лесами и приютами расколыщичьих скитов как на место возникновения пьесы. „Стукальщики, — разъясняет В. И. Даль, — выходявшие из раскольников изуверы, избивавшие друг друга во имя спасения“.

Большое внимание к теме торговли, к „людям купецким“ (в частности, выделены хлебники и мельники), упоминание среди покупателей различных категорий казачества („донские казаки“, „господа Яики“), рыболовов и низовых бурлаков может служить косвенным, но существенным указанием на то, что „Игра пирожная“ была сложена в каком-нибудь крупном торговом городе Нижнего Поволжья (Нижний-Новгород, Самара, Саратов, Астрахань), центре хлебной торговли и рыболовства.

На богатое рыбой Нижнее Поволжье указывает также разнообразие рыбы в начинке постных пирогов (досось, осетрина, семга, белуга, сом, угри, сиг, ерш, „стерляди годовые“, корюха, треска, „всякая рыба мелюзга“) и полное отсутствие пирогов с капустой и грибами — традиционной постной еды в средней полосе России.

Это предположение подтверждают элементы диалекта в тексте, например употребление слова „моторный“ в смысле „мотоватый“, „расточительный“, что отмечено В. И. Далем как особенность нижегородского и казанского говоров; последовательное употребление постпози-

¹ См.: И. Е. Забелин. Из хроники общественной жизни в Москве в XVIII столетии. Сборник Общества любителей российской словесности, М., 1891, стр. 560—564.

² Указ 18 августа 1727 г. (ПСЗ, т. VIII, стр. 62—63, № 5302).

³ Указ 21 мая 1743 г. (ПСЗ, т. XI, стр. 803, № 8734).

⁴ Указ 21 апреля 1785 г. (ПСЗ, т. XXII, стр. 358, № 16188).

⁵ ПСЗ, т. XX, № 14392, стр. 274—275 и 390—391.

⁶ См.: История Москвы, т. II. Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 436.